

85 лет со дня рождения Григория Чухрая

Он был солдатом и режиссером

Нея Зоркая

Гриша Чухрай, так называли его мы, младшие, уважая и восхищаясь. Сегодня из него делают то официозную фигуру «оттепели», то едва ли не диссидента. И то, и другое — излишки.

Он был замечательный, талантливый, могучий, сильный (но режим был сильнее!), с нереализованными замыслами, с прикрытым начальством любимым детищем — Экспериментальной киностудией. Словом, он был типичным человеком «оттепели», «эпохи ХХ съезда», «хрущевской эпохи». И еще — добрым человеком, заступником. Веселым, остроумным, блестящим рассказчиком.

Его война

«Моя война», «Мое кино» — так назвал он книги воспоминаний, которые писал в последние годы жизни, прикованный к постели. Вторая книга вышла посмертно. В этих бесхитростных, открытых книгах запечатлелся правдивейший портрет их автора: советского человека в идеальном воплощении типа, мечтавшего революционерам-романтикам.

Чухрай писал: «Человек не волен выбирать, в какой стране и в какую эпоху ему надлежит родиться... Рождение в Советской России не заслуга, но и не грех, в котором нужно покаяться. Это — судьба... Я был советским гражданином — солдатом и режиссером — и этим горжусь, нисколько не боясь оказаться немодным и отстать от прогресса... Эпоха, в которой я жил, была голодной, жестокой, кровавой и одновременно великой».

«Мы стали антисталинистами, но в социализме не разочаровались... Я тоже верил и не стыжусь этого», — настойчиво признается накануне кончины автор книг. Прочтите эти книги! Вам откроется другая война.

Война перерезала его юность, сформировала его личность, толкнула к творчеству, определила всю дальнейшую биографию. И его искусство.

Солдат 62-й армии, далее офицер, Григорий Чухрай с первого до последнего дня участвовал в Сталинградской битве.

Войну закончил в Венгрии, в госпитале, с тяжелым ранением. Демобилизовался и должен был вписаться в начавшуюся мирную жизнь столицы. В шинели, хромя, с палкой снова явился он во ВГИК, куда был допущен к экзаменам еще до войны, но подпал под призыв в армию.

Чухрай был принят в мастерскую режиссера Сергея Юткевича. Но разразившаяся кампания борьбы с так называемыми «безродными космополитами» вышвырнула из стен ВГИКа профессора Юткевича. Заменивший его Ромм стал для Чухрая не только учителем, но почти что родным отцом. У Ромма на студенческой практике Чухрай снял свои первые самостоятельные кадры в историко-костюмном фильме «Адмирал Ушаков». Благодаря Ромму, после недолгого пребывания ассистентом и вторым режиссером на Киевской студии он получил самостоятельную постановку на «Мосфильме».

Он выбрал — неожиданно для всех — старый, 1920-х годов, рассказ Бориса Лавренева «Сорок первый», уже экранизированный в 1926 году Протазановым. Но сделал отнюдь не римейк. Это было рождение художника.

Его кино

Почему — любовь? Почему такой резкий контраст: изысканный офицер — «синеглазенький» — и партизанка с рыбных промыслов? Взятые крайние контрасты. Царский поручик Говоруха-Отрок — главный положительный герой картины. И не только потому, что исполнитель роли, молодой артист Олег Стриженов, благородно красив, аристократи-

стью высказать свой взгляд на Гражданскую войну... Гражданская война велась не между всегда правыми красными и всегда неправыми белыми... Нация рвалась по-живому, и текли реки крови. Я испытывал боль и за тех, и за других. По обе стороны баррикад их развела история, жажда правды и справедливости. Об этом мой фильм».

Так Григорий Чухрай входит в искусство как поэт любви.

«Баллада о солдате» — второй его фильм — ныне общепризнанная классика мирового кино.

В черном вдовьем платке мать солдата Алеши Скворцова вглядывается в пыльную дорогу, по которой ушел ее сын, все надеясь, что он еще вернется.

рической мелодией. В «Балладе о солдате» она достигает высот поистине музыкальных. Хотя сюжет простейший: несколько суток отпуска с передовой, которым командующий награждает за воинский подвиг семнадцатилетнего связиста Алешу Скворцова по его просьбе: «вместо ордена отпустите — в деревне матери крышу починить надо».

Его успех

От кислых редакторских заключений — к Ленинской премии и десяткам международных призов. От вялых похвал на первых студийных показах, от очень скромного эффекта в прокате — к всемирному и шумному успеху.

культуру Григория Чухрая не исчерпывается только его картинами. У него были и другие миссии, другие грани таланта и личности.

В конце 1960-х этот человек огромной творческой энергии пробует себя на новом поприще — организует новаторскую по тем временам структуру кинопроизводства: внутри системы Госкино СССР она должна была работать на хозрасчете, от доходов с проката фильмов. Экспериментальная творческая киностудия при «Мосфильме» собрала талантливых людей: директором был Владимир Познер, членом худсовета Константин Симонов и другие видные деятели культуры. На «студии Чухрая», как называли ее кинематографисты, были поставлены

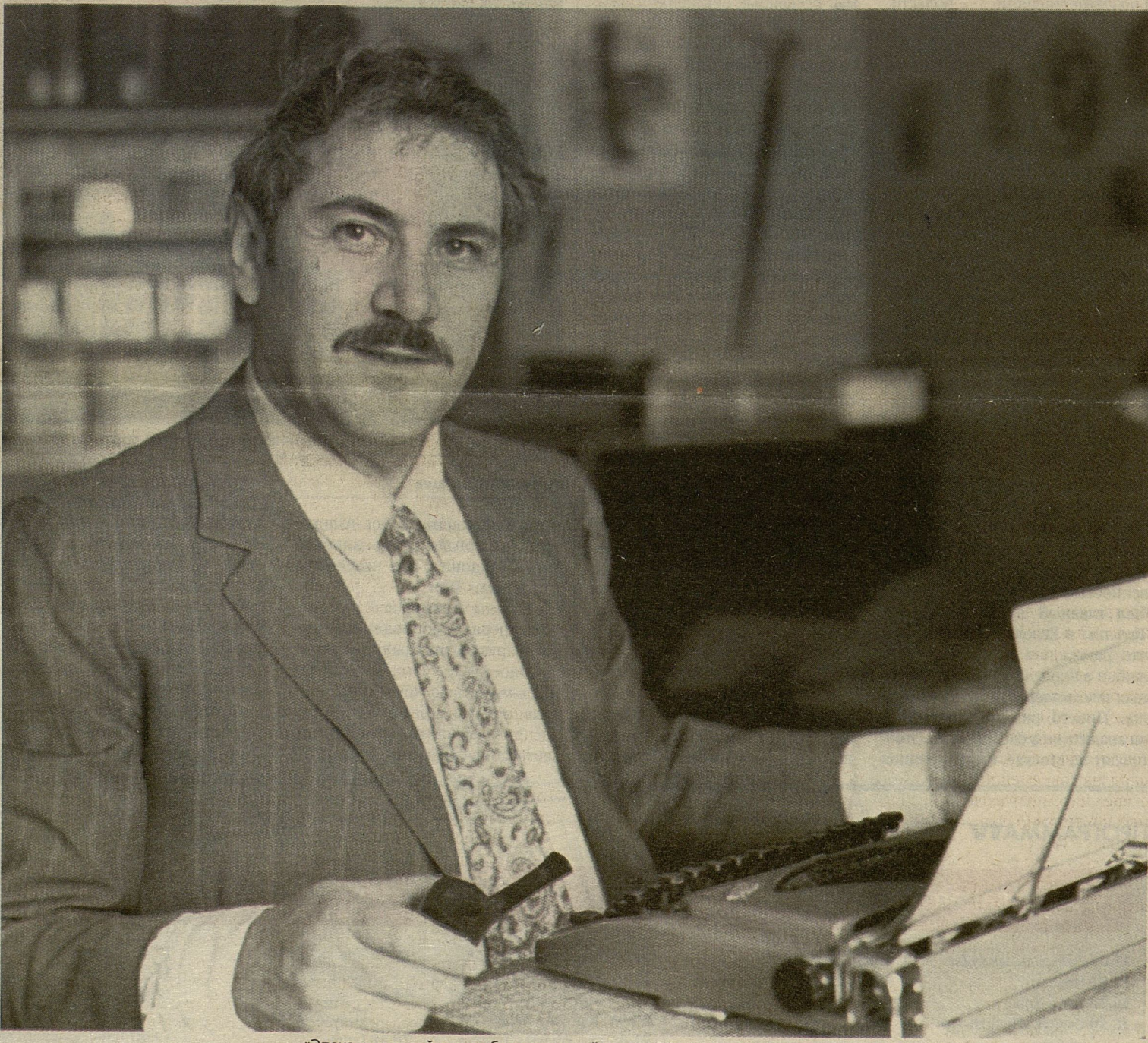

Фото: ИТАР-ТАСС

«Эпоха, в которой я жил, была голодной, жестокой, кровавой и одновременно великой», — писал Григорий Чухрай

чен, безупречно элегантен и обаятелен, располагает к себе. У Чухрая и Стриженова на стороне поручика и культура, и горечь при воспоминании о незаслуженных обидах, полученных им лично от взбунтовавшихся солдат, и способность понять исток неумной Марюткиной классовой ненависти, и разuverенность в «белой идее» — Говоруха прямо говорит о том, что устал от злобы и крови. Рядом с офицером Марютка в исполнении Изольды Извицкой, рано умершей актрисы, проигрывала.

Возвращаясь памятью к прошлому, Чухрай напишет: «В «Сорок первом» я был увлечен не только взаимоотношениями между героями... но и возможно-

Но мы-то, предупрежденные авторами в первых же титрах, знаем, что никогда. Путь Алеши в родное село — метафора всей его коротенькой жизни. И протянулся он между двумя пунктами — воинской частью и околицей, где его на две минуты в последний раз увидит мать, пока будет гудеть и торопить подбросивший солдата шофер грузовика. Алеша Скворцов (Владимир Ивашов) и чудесная девчонка Шурка (Жанна Прохоренко) — один из лучших лирических дуэтов советского кино.

За гибелью одного из миллионов встает всенародная трагедия. У Чухрая здесь война без войны. Тема любви пройдет через все его фильмы звонкой и ли-

Лидер итальянского авангардного кино 1960-х Пьер Паоло Пазолини сказал замечательно: «Чухрай подобен дожившему до наших дней классику. Как если бы посреди квартала, сплошь состоящего из серых, посредственных зданий, неожиданно возник чудом сохранившийся контур огромного и прекрасного старинного сооружения».

Вот эта просветленная классичность в сочетании с редкостной задушевностью — свойство режиссуры Григория Чухрая, его следующих фильмов: драмы «Чистое небо» об отверженном и реабилитированном летчике-герое, повести о чете любящих и одиноких «Жили-были старик со старухой». Но вклад в отечественную

«Не горюй!», «Белое солнце пустыни», «Белорусский вокзал», «Солярис» и другие фильмы.

Но при всем своем влиянии и даре убеждения Чухрай не смог спасти свое детище от закрытия, причиной которого была подозрительность советского начальства ко всему, что намекало на «частную инициативу». Проекты перестройки кинодела, которые предлагал Чухрай один за другим, отвергались. Уже тяжело больным Григорий Наумович взял на себя руководство мастерской на Высших курсах режиссеров и сценаристов; ученики его не просто любили — преклонялись перед ним...

Григория Наумовича Чухрая не стало в 2002 году.